

Михаил Юрьевич Лермонтов

Ашик-Кериб

Давно тому назад в городе Тифлизе (Тифлис, старинное название Тбилиси. Ред.) жил один богатый турок. Много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери. Хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза.

Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб. Пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых. На одной свадьбе он увидел Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку, - и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул. В это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечника), отстала и подошла к нему.

Что ты спишь под виноградником, - запела она, - вставай, безумный, твоя газель идет мимо.

Он проснулся - девушка порхнула прочь, как птичка. Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить.

- Если б ты знала, - отвечала та, - кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб.

- Веди меня к нему, - сказала Магуль-Мегери.

И они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать.

- Как мне не грустить, - отвечал Ашик-Кериб, - я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею.

- Проси мою руку у отца моего, - говорила она, - и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет.

Хорошо, - отвечал он, - положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан. Нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею.

Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери; взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, - он смотрит: это Куршуд-бек.

- Добрый путь! - кричал ему бек. - Куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ.

Не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать. Долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду.

- Плыви вперед, - сказал Куршуд-бек - я за тобою последую. Ашик сбросил верхнее платье и поплыл. Переправившись, глядь назад-о горе! О всемогущий Аллах! - Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю.

Прискакав в Тифлиз, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери.

- Твой сын утонул в глубокой реке, - говорит он, - вот его одежда.

В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливаться их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери.

- Мой сын утонул, - сказала она ей. - Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна.

Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала:

- Не верь, это все выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет

моим мужем.

Она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню. Добрые люди одели его и накормили; он за это пел им чудные песни. Таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город, и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф. По обыкновению, взшел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников. Многих к нему приводили, - ни один ему не понравился. Его чауши (слуги. - Ред.) измучились, бегая по городу. Вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос. Они туда.

- Иди с нами к великому паше, - закричали они, - или ты отвечаешь нам головою!

- Я человек вольный, странник из города Тифлиза, - говорит Ашик-Кериб, хочу пойду, хочу нет; пою, когда придется, - и ваш паша мне не начальник.

Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше.

- Пой, - сказал паша.

И он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба.

Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нем богатые одежды. Счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат. Забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал. Последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду.

Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. В это время отправлялся один купец с караваном из Тифлиза с сорока верблюдами и восьмьюдесятью невольниками. Призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо.

- Возьми ты это блюдо, - говорит она, - и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом.

Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай (постоялый и торговый двор на Востоке. - Ред.): и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца.

- Это мое! - сказал он, схватив его рукою.

- Точно твое, - сказал купец, - я узнал тебя, Ашик-Кериб. Ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого.

В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собой суму с золотыми монетами -и поскакал, не жалея коня. Наконец измученный бегун упал бездыханный на Арзинган горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дня.

- Аллах всемогущий! - воскликнул он.- Если ты уж мне не поможешь, то мне нечего на земле делать!

И хочет он броситься с высокого утеса. Вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос:

- Оглан (юноша. - Ред.), что ты хочешь делать?

- Хочу умереть, - отвечал Ашик.

- Слезай же сюда, если так, я тебя убью. Ашик спустился кое-как с утеса.

- Ступай за мною, - сказал громко всадник.

- Как я могу за тобою следовать, - отвечал Ашик, - конь твой летит, как ветер, а я отягощен сумою.

- Правда. Повесь же суму свою на седло мое и следуй. Отстал Ашик-Кериб, как ни

старался бежать.

- Что ж ты отстаешь? - спросил всадник.
- Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен.
- Правда; садись же сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебе нужно ехать?
- Хоть бы в Арзерум поспеть нынче, - отвечал Ашик.
- Закрой же глаза.

Он закрыл.

- Теперь открой.

Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзерума.

- Виноват, Ага, - сказал Ашик, - я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Каре.
- То-то же, - отвечал всадник, - я предупредил тебя, чтоб ты говорил мне сущую правду.

Закрой же опять глаза... Теперь открой.

Ашик себе не верит в то, что это Каре. Он упал на колени и сказал:

- Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб; но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня: мне по-настоящему надо в Тифлиз.

- Экой ты неверный! - сказал сердито всадник. - Но нечего делать, прощаю тебя: закрой же глаза. Теперь открой, - прибавил он по прошествии минуты.

Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику:

- Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство.

- Наклонись, - сказал тот, улыбнувшись, - и возьми из-под копыта коня комок земли и положи его за пазуху; и тогда, если не станут верить истине слов твоих, то вели привести к себе слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза - и она увидит.

Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову - всадник и конь исчезли. Тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилияз (св. Георгий. - Ред.).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой. Стучит он в двери дрожащею рукою, говоря:

- Ана, ана (мать), отвори: я божий гость; и холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня. Слабый голос старухи отвечал ему:

- Для ночлега путников есть дома богатых и сильных; есть теперь в городе свадьба - ступай туда! Там можешь провести ночь в удовольствии.

- Ана, - отвечал он, - я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сына,пусти меня!

Тогда сестра его говорит матери:

- Мать, я встану и отворю ему двери.

- Негодная! - отвечала старуха. - Ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение.

Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба. Сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться. И видит он, на стене висит, в пыльном чехле, его сладкозвучная сааз. И стал он спрашивать у матери:

- Что висит у тебя на стене?

- Любопытный ты гость, - отвечала она, - будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом.

- Я уж сказал тебе, - возразил он, - что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?

- Это сааз, сааз, - отвечала старуха сердито, не веря ему.

- А что значит сааз?

- Сааз то значит, что на ней играют и поют песни.

И просит Ашик-Кериб, чтобы она позволила сестре снять сааз и показать ему.

- Нельзя, - отвечала старуха, - это сааз моего несчастного сына; вот уже семь лет она висит на стене, и ничья живая рука до нее не дотрагивалась.

Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему. Тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву:

- О всемогущий Аллах! Если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней! - И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: -Я бедный Кериб (нищий) - и слова мои бедны; но великий Хадерилияз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника.

После этого мать его зарыдала и спрашивает его:

- Как тебя зовут?

- Рашид (храбрый), - отвечал он.

- Раз говори, другой раз слушай, Рашид, - сказала она, - своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет, я ослепла от слез. Скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?

И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила. И спустя несколько времени просит он:

- Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и все, что получу, принесу сюда и разделю с вами.

- Не позволю, - отвечала старуха, - с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходила из дому.

Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны.

- А если хоть одна струна порвется, - продолжал Ашик, - то отвечаю моим имуществом.

Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его. Проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил:

- Селям алейкум! Вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню.

- Почему же нет, - сказал Куршуд-бек. - Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: спой же что-нибудь Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота.

Тогда Куршуд-бек спросил его:

- А как тебя зовут, путник?

- Шинды-Гёрурсез (скоро узнаете).

- Что это за имя! - воскликнул тот со смехом. - Я в первый раз такое слышу.

- Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал; им отвечали -шинды-гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя. - После этого он взял сааз и начал петь: - В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог дал мне крылья, и я прилетел сюда в день.

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув:

- Ты лжешь! Как можно из Халафа приехать сюда?

- За что ж ты меня хочешь убить? - сказал Ашик. - Певцы обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте.

- Пускай продолжает, - сказал жених. И Ашик-Кериб запел снова:

- Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзеруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карее, а вечерний намаз в

Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору; Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери.

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую.

- Так-то ты сдержала свою клятву, - сказали ее подруги. - Стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека?

- Вы не узнали, а я узнала милый мне голос, - отвечала Магуль-Мегери, и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула, бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств.

Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, промолвив:

- Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при рождении, того он не минует.

Придя в чувство, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

- Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, - сказал жених, - но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?

- В доказательство истины, - отвечал Ашик, - сабля моя перерубит камень; если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска. Но лучше всего приведите мне слепую, которая бы семь лет уж не видала света божьего, и я возвращу ей зрение.

Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у двери, услышав такую речь, побежала к матери.

- Матушка! - закричала она. - Это точно брат, и точно твой сын Ашик-Кериб, - и, взяв ее под руку, повела старуху на пир свадебный.

Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, промолвив:

- Знайте все люди, как могущ и велик Хадерилиаз. И мать его прозрела. После того никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему:

- Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак, возьми ее за себя - и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери.